

Вернуть Чао Цы память оказалось несложной задачей. Хотя в прошлом её и скрыли от него, на деле это было лишь запечатывание, а не полное истребление воспоминаний. Сымин не посмел бы прибегнуть к столь радикальным мерам, ведь полное стирание неизбежно повредило бы саму божественную душу юноши.

Теперь же достаточно было снять печать, и процесс этот прошёл совершенно безболезненно.

Проглотив пилюлю, Чао Цы почувствовал лишь лёгкое головокружение, которое быстро рассеялось, уступив место неудержимому потоку образов и чувств.

Вспыхнувшая с первого взгляда любовь к Цзинь Яо; его собственное, полное надежд упрямство; скитания, во время которых он наивно полагал, что они делают одну судьбу на двоих... И, наконец, чудовищная, нелепая правда.

Юноша сидел за столом, низко склонив голову. Он застыл в этой позе, не произнося ни слова. Цзинь Яо тоже хранил молчание, понимая: А-Цы нужно время, чтобы принять обрушившийся на него груз прошлого.

Спустя долгое время Чао Цы издал негромкий, сухой смешок.

— Зачем ты вернулся? Неужели любовное испытание ещё не пройдено?

Голос его звучал глухо и надтреснуто, словно каждое слово с трудом прорывалось сквозь теснившее горло отчаяние.

Услышав такой ответ, божество почувствовало, как в сердце закрадывается тревога. Прежняя робкая надежда на благополучный исход начала таять. Чао Цы всегда был открытым и жизнелюбивым, и видеть его таким — сломленным и отстранённым — Цзинь Яо довелось впервые.

Дело принимало куда более скверный оборот, чем он рассчитывал.

— Прости меня, А-Цы, — произнёс мужчина со всей искренностью.

Впервые за тысячи лет бессмертный небожитель в белых одеждах облёк свою волю в столь мягкие, почти просящие слова.

— Ты и впрямь виноват передо мной, — юноша поднял голову, явив взору покрасневшие, припухшие глаза. — Но всё кончено. Если ты действительно хочешь искупить свою вину, прошу — уходи прямо сейчас.

Веки его распухли, что придавало лицу, подобному изысканному фарфору, вид болезненный и одновременно трогательный, но взгляд оставался непоколебим.

— Здесь мир смертных, а я — лишь обычный человек. Я тебе не чета.

Тот самый юноша, что прежде вечно смеялся, теперь выносил приговор с пугающей твёрдостью.

Небожитель в белоснежных одеждах на миг замер, поражённый, но тут же нахмурился.

— Я совершил множество ошибок, А-Цы. Но отныне и до конца своих дней я буду их искупать. Не говори в сердцах.

Он уже всё распланировал: как только к Чао Цы вернётся память, они восстановят былую близость, и он заберёт его в Царство богов. Если юноша того пожелает, его семья тоже сможет отправиться с ними. Старший брат Чао станет и его братом, и в почёте ему не будет отказа. Они проживут жизнь рука об руку, явив миру истинный образ божественной четы.

— Всю жизнь? — переспросил Чао Цы.

— Да. А-Цы, ты дорог моему сердцу. Отныне ты будешь моим единственным даосским спутником, и я никогда не предаю тебя.

Он говорил так торжественно, словно приносил клятву перед лицом самих Небес.

— Я дорог твоему сердцу? — юноша чуть повысил голос и вдруг не выдержал — рассмеялся.

Смех его не утихал долго, до тех пор, пока лицо Цзинь Яо не стало совсем мрачным. Лишь тогда А-Цы с трудом заставил себя замолчать.

— Я не в сердцах это говорю, — произнёс он. Несмотря на опухшие веки, в его глазах не было ни тени прежней влаги.

Те слёзы, что пролились мгновением ранее, предназначались вовсе не этой любви, давно обратившейся в прах. Каждое слово Чао Цы было выстрадано; он до предела сдерживал клокочущую в душе обиду, ненависть и полное, абсолютное разочарование.

Он не хотел опускаться до бранных выкриков или едких насмешек — это лишь создало бы иллюзию, что между ними всё ещё есть какая-то связь.

Цзинь Яо смотрел на юношу, и, кажется, начинал осознавать истинный смысл его слов. В горле

у божества внезапно пересохло; он не ожидал, что, вернув память, супруг станет столь беспощадным.

— Тебе стоит успокоиться и обдумать всё в течение нескольких дней. Потом я снова навещу тебя.

Верховный бог уже собрался встать, но его остановили.

— Не нужно. Я не охвачен гневом. И ты, великий верховный бог, неужели намерен и дальше обманывать самого себя?

Чао Цы в упор посмотрел на Цзинь Яо. В его взоре не осталось ни капли сомнения или привязанности — только отвращение и горькая ирония. Лишь теперь в душе бессмертного поселился настоящий страх.

— Перестань тешить себя иллюзиями. Не надейся на прощение и уж тем более не мечтай о воссоединении, — юноше надоели эти настойчивые преследования, и он решил высказать всё начистоту. — Когда-то я любил тебя, вышел за тебя замуж, навязывался со своим вниманием и мнимой заботой... Всё это было моим собственным выбором, ты тут ни при чём. Но ты использовал меня для прохождения своего испытания, а затем, не считаясь с моей волей, силой стёр мне память... Я что для тебя, вещь? Инструмент, который можно использовать, а потом хладнокровно уничтожить? С чего ты вообще взял, что мы можем начать сначала?

Чао Цы на мгновение замолчал, после чего продолжил с ещё большим ядом в голосе:

— Говоришь, «никогда не предашь»? Как смешно. Какое право ты имеешь на эти слова? Кто поверит тебе после всего, что ты натворил? Ты действительно любишь меня? Сомневаюсь. Скорее всего, я просто был настолько непроходимым дураком, что сумел окружить тебя небывалым комфортом, и теперь ты просто тоскуешь по этому удобству. Боюсь, стоит мне согласиться, как я снова стану для тебя лишь бесполезным мусором.

— Никогда, — отрезал Цзинь Яо. — Я готов поклясться своим даосским сердцем. Если я нарушу обет, пусть сам Небесный Дао разрушит мой путь к совершенству.

— Мне не нужны твои гарантии будущей верности! Неужели ты не понимаешь — ты мне омерзителен! Даже если ты вырвешь своё сердце и положишь передо мной, я на него и не взгляну!

Чао Цы окончательно вышел из себя.

— А теперь — проваливай.

Он указал на дверь, больше не желая смотреть на небожителя. В сущности, юноша оставался

тем же избалованным молодым господином: если любил — возносил до небес, если ненавидел — низвергал в бездну. Когда-то он готов был отдать всё лучшее, что имел, теперь же не скупился на самые ядовитые слова.

В этом не было бы нужды, если бы Цзинь Яо не упорствовал в своём преследовании. Лицо того несколько раз менялось в цвете, но в итоге он так и не нашёл, что ответить. Развернувшись, мужчина покинул комнату.

— Ваше Превосходительство... — Сымин окликнул его негромко, с опаской.

Мужчина перед ним полулежал на кровати; в скупом лунном свете едва угадывался его статный силуэт. Серебряные драконы, вышитые на тончайшем шёлке, мерцали в полумраке, подчёркивая неземное благородство облика. С тех пор как божество вернулось после разговора с Чао Цы, оно не проронило ни слова.

— Он и впрямь так сильно ненавидит меня, — наконец заговорил Цзинь Яо.

— Ах, Ваше Превосходительство... Вы не ведаете земных забот, а потому не понимаете, — вздохнул Бессмертный Владыка Сымин. — Таковы чувства смертных. Когда они любят, то готовы отдать жизнь, но стоит появиться трещине — и о былом уже не вспоминают. Что прошло, то прошло.

Сымин, ведающий судьбами всех живых существ в мире смертных, давно привык к подобному.

— Раз так, не стоит принуждать его. Быть может, лучше отпустить? — осторожно предложил он.

Сказать по правде, окажись небожитель на месте юноши, он бы тоже никогда не пошёл на примирение.

«Кто такое выдержит? — думал Сымин. — Годами биться о стену ледяного безразличия, верить, что искренность растопила металл и камень, а в итоге узнать, что тебя всё это время держали за шута? Использовали, а потом ещё и память стёрли. А теперь верховный бог вдруг передумал. Получается, всё должно быть только так, как угодно Его Превосходительству?»

Впрочем, Сымин понимал: и он сам, и его господин поступили подло. Но он уже давно не был наивным ребёнком и знал — в глазах богов жизнь смертного редко стоит долгих раздумий.

— Пошёл вон! — Цзинь Яо резко вскочил, взмахнув рукавом.

Удар был такой силы, что божественная сущность Сымина едва не развеялась прахом. К счастью, господин не нанёс смертельного удара. С трудом восстановив целостность своего духа, Бессмертный Владыка забился в угол, не смея более проронить ни звука.

<http://bllate.org/book/15361/1372907>